

МЕЛИССА САВЕЛЬЕВА

ЯБЛОКИ И КОРИЦУ *помню*

иногда вкус
возвращает то, что сердце
так и не отпустило

Не пей
кофе

тетрадь

Савельева Мелисса

Яблоки и корицу помню

<https://litres.ru/74017981>

SelfPub; 2026

Аннотация

Над городом висит спутник, который стирает память. Варя просыпается в чужой квартире и не помнит ничего, кроме своего имени, её дочь Лена, каждое утро ждёт мать в парке семь лет подряд. А женщина по имени Женя, по кличке Стрекоза, знает, как всё остановить, так как именно она помогала настраивать спутник.

Эта книга - две истории об одном спутнике. О том, как теряют себя и находят заново. О пирогах, кофе и людях, которые боятся любить, но всё равно любят.

Содержание

Не пей кофе	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Савельева Мелисса

Яблоки и корицу помню

Не пей кофе

Глава 1

Варя открыла глаза и поняла, что не знает, где находится. Потолок был белым, но не тем ровным белым, к которому привыкаешь за годы жизни в одной квартире, а чужим, с трещиной, которая расходилась от люстры к углу, напоминающая карту незнакомой реки. Варя смотрела на эту трещину и чувствовала, как внутри черепа густая пустота. Кто-то выскреб все воспоминания, не торопясь, со знанием дела, оставив только стены и эту дурацкую трещину.

Своё имя она помнила. Варя. Это пришло само собой, без усилий. А ещё помнила запах мокрой шерсти, но чья это была шерсть и почему она мокрая, ответа не нашлось.

Варя повернула голову на подушке. Слева от кровати стояла тумбочка. На тумбочке лежал белый конверт, а на нем надпись от руки: «Прочитай первой, до того, как выпьешь кофе». Почерк показался знакомым до боли, хотя саму боль Варя не могла привязать ни к какому конкретному воспоминанию.

нанию.

Справа от кровати, в кресле, сидела женщина. Она сложила руки на коленях и улыбалась. Улыбка была спокойной, почти домашней, но в ней чувствовалось что-то неладное, какое-то напряжение, будто женщина ждала не просто пробуждения Вари, а чего-то большего. На женщине был свитер цвета вишни, волосы собраны в низкий хвост. Лицо казалось знакомым, но имени Варя не вспомнила. - Доброе утро, - сказала женщина, - Выспалась?

Варя не ответила. Она медленно приподнялась на локтях и осмотрела комнату. Комната была чужой. Фотографии на стенах, книжный шкаф, забитый до отказа, старый торшер с пожелтевшим абажуром. На одной фотографии Варя смеялась в чёрном купальнике на каком-то пляже, рядом с ней мужчина, лица которого не разобрать из-за солнечных бликов. На другой был мальчик лет шести, он дул на одуванчик, и белые семена застыли на снимке. На третьей какая-то рыжая кошка на подоконнике. Ни одного лица, кроме её собственного, Варя не узнала. - Ты меня помнишь? - спросила женщина.

- Нет.

Женщина вздохнула, но не обиженно, а скорее устало, как человек, который задаёт один и тот же вопрос каждое утро и каждый раз получает один и тот же ответ.

- Меня зовут Катя, - сказала она, - Мы когда-то жили вместе. Ты мне доверяла, но я предала...

Варя моргнула. Она не помнила, чтобы когда-либо была замужем, но спорить не стала. Катя не выглядела обманщицей. Слишком спокойно она это говорила. Слишком привычно. - Вставай, - сказала Катя, - Кофе готов.

Она встала с кресла и вышла из комнаты, оставив дверь открытой. Варя слышала, как на кухне зашумела кофемашина, как звякнула чашка, как хлопнула дверца холодильника. Затем она взяла конверт. Бумага была плотной, чуть шершавой. Она разорвала край, вытащила сложенный вчетверо лист и начала читать.

«Варя, привет. Это ты из прошлого. Ты спишь, а я пишу. Катя скажет, что она твоя бывшая жена. Это правда. Но она не скажет, что именно она каждое утро даёт тебе кофе, после которого ты перестаёшь чувствовать ложь. На пять часов. Так она тобой управляет. Не пей этот кофе сегодня. Вместо этого найди Лену, ей семь лет, она твоя дочь и ждёт тебя в сквере у фонтана в пять часов вечера. Если ты читаешь это, значит, я, прошлая ты, успела спрятать письмо до того, как Катя проснулась. Не подведи нас».

Варя перечитала письмо дважды. Дочь. Семь лет. Сквер у фонтана. Она встала с кровати и подошла к окну. За окном был спальный район. Девятиэтажки, качели, песочница, несколько машин у подъезда. И женщина в бежевом пальто, стоящая под фонарным столбом. Женщина смотрела прямо в окно Вариной спальни. У неё была маленькая аккуратная родинка над верхней губой, чуть левее центра. Они встре-

тились взглядами. Женщина улыбнулась и помахала рукой. Варя отшатнулась от окна. Внутри неё проснулся страх, который нельзя было объяснить логикой, страх тела, а не разума, который помнил то, о чём мозг давно забыл.

В дверях кухни появилась Катя с двумя кружками кофе. - Ты чего? - спросила она, заметив выражение лица Вари.

- Кто это стоит под окном? Катя подошла к окну, выглянула, потом резко обернулась. Её лицо побледнело.

- Оделась? - спросила она.

- В чем? Я в пижаме.

- Бегом. Чёрный ход. Не бери ничего. И не пей кофе. Катя поставила кружки на подоконник, схватила Варю за руку и потащила в коридор. Варя не сопротивлялась. Она не понимала, что происходит, но чувствовала, что Катя не врёт об опасности. Ведь это читалось в её дрожащих пальцах, в сбивчивом дыхании, в том, как она оглядывалась на входную дверь, будто ожидала, что та вот-вот вылетит с петель.

- Иди, - сказала Катя, открывая дверь чёрного хода, - Найди Лену, она в парке Шевченко. Я задержу их, сколько смогу.

- Кого - их?

- Тех, кто хочет, чтобы ты забыла навсегда. Варя хотела спросить ещё, но Катя уже захлопнула дверь. Варя осталась на лестничной клетке. Босиком и в пижаме с письмом в кармане. Тем временем, сверху, с лестницы, слышались шаги. Тяжёлые, мужские, спускающиеся с верхних этажей. Несколько пар и очень быстро. Варя рванула вниз и бежа-

ла по лестнице, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в позвоночник. На площадке между пятым и четвёртым этажом она чуть не упала, подскользнулась на мокром полу, кто-то разлил воду или ещё что-то, и едва удержалась за перила. Перила были холодными и липкими. Она отняла руку и посмотрела на ладонь. Что-то тёмное. Не кровь, а грязь? Она остановилась на секунду, прижалась спиной к стене. Сверху шаги приближались, но не бегом, а быстрым шагом, уверенно, как у людей, которые знают, что жертва никуда не денется. Варя закрыла глаза и попыталась вспомнить, где чёрный ход. Катя сказала «чёрный ход», но не сказала, где он. Она мысленно представила квартиру. Кухня слева от входа, коридор ведёт в комнату, напротив комнаты дверь. Она не помнила, что за дверь. Ванная? Кладовая? Чёрный ход? Она открыла глаза и побежала дальше. На третьем этаже она свернула не туда и попала в тупик, там стена, заваленная старыми коробками. Варя развернулась, чуть не упала, побежала обратно. Шаги сверху стихли или ей показалось или они уже были на лестничной клетке этажом выше и теперь слушали, куда она бежит. Она нашла дверь в подъезд, вылетела на улицу и вдохнула холодный утренний воздух полной грудью. Впервые за всё это утро. За спиной хлопнула дверь. Кто-то вышел следом, но девушка не обернулась. Она побежала.

Глава 2

Она бежала, не разбирая дороги. Подошвы горели, но Варя не чувствовала боли, только холод. Асфальт под утро был ледяным, и этот холод поднимался от ступней выше, к коленям, к животу, заставляя дышать часто и поверхностно. Она свернула в первый попавшийся двор, прижалась спиной к стене подъезда и замерла.

Сзади никто не бежал или бежал, но она уже не слышала. В ушах шумела кровь, и сквозь этот шум невозможно было разобрать ничего, кроме собственного дыхания. Варя выждала минуту, другую. Потом выглянула из-за угла.

Улица была пуста. Фонари горели ровным жёлтым светом, ни одна тень не шевелилась. Только вдалеке, на перекрёстке, мигнул зелёный сигнал светофора, переключился на жёлтый, потом на красный, и ни одной машины. Она пошла в ту сторону, где, как ей казалось, был центр. Ориентиров она не знала. Ни названий улиц, ни номеров домов, ни даже приблизительного направления. Только смутное чувство, что парк Шевченко - это туда. Или не туда? Проверить было нечем.

Босиком по городу в пижаме. Если бы она встретила сейчас саму себя со стороны, то приняла бы за сумасшедшую или за жертву. И была бы права по обоим пунктам.

Варя шла и пыталась вспомнить хоть что-то, зацепиться

за любую деталь, которая вернула бы её в нормальную реальность, где она знает своё имя, адрес, место работы, цвет зубной щётки. Но ничего. Пустота. Будто кто-то открыл её череп и выскреб всё мягкой ложкой, не торопясь, со знанием дела, оставляя только стены и провода, без картинок, без звуков, без запахов.

Хотя нет... Один запах был. Мокрая шерсть. Он пришёл сам, без воспоминания, просто встал в носу и застрял. Варя не знала, чья это была шерсть и почему она мокрая, но запах был таким реальным, таким плотным, что она почти чувствовала его языком. Она даже остановилась посреди тротуара и закрыла глаза, пытаясь вытянуть из этого запаха хоть что-то ещё.

Ничего. Только мокрая шерсть. И всё. Девушка открыла глаза и пошла дальше.

Рядом с автобусной остановкой она заметила будку с надписью «Пиво. Вобла. Рыба». За прилавком сидел мужчина. Лет пятидесяти, небритый, в старом пуховике. Он пил что-то тёмное из поллитровой кружки и смотрел на Варю так, будто босые женщины в пижаме появлялись на его остановке каждое утро. - Извините, - сказала Варя, - Как пройти в парк Шевченко?

Мужчина допил, крикнул, вытер губы рукавом. - Три остановки на автобусе или сорок минут пешком.

- У меня нет денег.

- Это проблема. Он полез в карман пуховика, вытащил

горсть мелочи, отсчитал шестьдесят рублей и протянул Варя.
- Вернёшь, когда разбогатеешь. Я запишу в долговую книгу. Он достал из-под прилавка потрёпанную тетрадь, нашёл ручку и написал: «14 сентября. Неизвестная женщина в пижаме - 60 рублей».

- А как вас зовут? - спросила Варя.

- Дядя Витя.

- Спасибо, дядя Витя.

- Не благодари. Я не из жалости. Мне просто скучно. Ты событие. Расскажу жене не поверит.

Варя взяла деньги и пошла к остановке.

Автобус пришёл через семь минут. Варя вошла в заднюю дверь, сунула монетки водителю и села у окна. Сидя у окна и смотрела, как город просыпается. Магазины поднимали железные шторы. Дворники сгребали листву в кучи. Женщина в пуховике тащила ребёнка за руку, ребёнок плакал и упирался, не хотел идти в садик. Варя поймала себя на мысли, что не знает, водила ли она когда-нибудь Лёну в детский сад. Не помнила. Она закрыла глаза и попыталась вызвать образ: девочка, косички, курточка. Детский сад. Ничего. Открыла глаза. Женщина с ребёнком скрылась за поворотом. Варя смотрела на пустую улицу и чувствовала, как внутри разрастается тошнотворное чувство. Она не помнит собственного ребёнка. Не помнит, как держала её за руку. Не помнит, как забирала из сада. Не помнит, пахло ли от неё молоком или красками или потом после беготни. Она не помнит ничего...

А девочка помнит всё. Каждое утро она ждёт мать, которая может не прийти и может забыть. Которая забывает каждый день, просыпаясь в чужой постели с чужой женщиной. Варя сжала кулаки. Ногти впились в ладони. Боль была почти приятной, ведь она напоминала, что она ещё жива, что она существует, что она не пустота.

Автобус качнулся на повороте. Варя открыла глаза и посмотрела в окно. Ещё две остановки. Люди смотрели на неё. Женщина с авоськой, девушка в наушниках, мужчина в костюме с портфелем, похожий на школьного учителя. Водитель поглядывал в зеркало заднего вида.

Город просыпался. Магазины поднимали железные шторы, дворники сгребали листву в кучи, женщины везли детей в детские сады. Нормальная жизнь, в которой у Вари не было места. Она не знала, где живёт и где работает. Не знала, сколько ей лет, пока не посмотрела на свои руки в автобусном свете, тридцать два, наверное, или около того. Она знала только свое имя. И Лену. Семь лет. Сквер у фонтана. Пять часов вечера.

Водитель объявил остановку голосом, похожим на скрежет несмазанной двери. - Парк Шевченко.

Варя вышла. Сквер оказался большим. Аллеи, лавочки, старые липы, чьи корни разрывали асфальт. Посередине стоял фонтан с тремя бронзовыми лягушками. Вода не работала, лягушки стояли сухие, с зелёными от времени боками. Рядом с лягушками сидел мальчик и кормил голубей бато-

ном. Девочки не было.

Варя села на скамейку, поджала босые ноги и стала ждать. Она сидела и считала голубей: семнадцать, восемнадцать, девятнадцать. Мальчик с батоном кормил их, и голуби слетались со всей площади, толкались, хлопали крыльями, дрались за крошки. Она попыталась вспомнить, когда в последний раз кормила голубей. Может быть, в детстве. С отцом, когда ходили в парк, и отец покупал ей батон, и она крошила его птицам, а отец стоял рядом и курил. Вспомнился дым, как он щипал глаза. Не помнила лица отца. Она закрыла глаза и попыталась вытянуть из себя это воспоминание, как вытягивают нитку из старого свитера, надеясь, что свитер не расползётся. Но ничего, только дым и голуби. И чувство, что она когда-то была счастлива.

Варя открыла глаза. Солнце поднялось уже высоко. Мальчик съел батон и ушёл. Голуби перебрались на крышу ближайшей пятиэтажки. Фонтан так и не включили. Она смотрела на бронзовых лягушек и думала о том, сколько ещё можно сидеть на скамейке, босиком, в пижаме, и ждать девочку, которая, возможно, не придёт. Которая, возможно, умерла. Или её забрали.

Варя просидела на скамейке несколько часов. Она не замёрзла, хотя пижама была тонкой. Не хотела есть. Не хотела пить. Она просто сидела и смотрела на лягушек, пытаясь вспомнить, видела ли она их когда-нибудь раньше. Ничего. В голове было пусто, как в заброшенном доме, из которого

вынесли всю мебель и даже обои содрали. Она уже почти встала, чтобы уйти, когда услышала за спиной: - Ты опять пришла.

Голос был детским. Тонким, почти безэмоциональным, как будто его обладательница говорила эти слова сотни раз и давно перестала вкладывать в них надежду. Варя обернулась.

Перед ней стояла девочка. Лет семи, худенькая, в синей куртке на молнии. Волосы светлые, собраны в две тощие косички. Из косичек выбивались пряди, падающие на лицо. На ногах обуты кеды с отклеившейся подошвой. Девочка смотрела на Варю спокойно. Без улыбки и слёз. - Лена? - спросила Варя.

- А ты кого ещё ждёшь?

Голос у девочки был взрослым. Не наигранно-взрослым, как у детей, которые копируют родителей, а по-настоящему уставшим. Так разговаривают люди, которые привыкли отвечать за себя и за того, кто не может отвечать за себя сам. Лена села на скамейку рядом. Посмотрела на Варьины ноги. Грязные, в крови, с порезом на подошве.

- Ты опять убежала, - сказала она. Не спросила, а сказала.

- Да.

- Без обуви.

- Не успела обуть.

- А пижаму успела.

Варе не нашлось, что ответить. Лена вздохнула, сняла с себя рюкзак, достала оттуда влажные салфетки и протянула

Варе. - Вытри ноги. А то инфекцию занесёшь.

Варя взяла салфетки. Они пахли ромашкой. - Спасибо. - Не за что, - сказала Лена, - В прошлый раз ты тоже порезалась. И в позапрошлый. Я всегда ношу с собой салфетки.

Варя вытирала ноги и чувствовала, как внутри, в той самой пустоте, начинает что-то шевелиться. Не воспоминание, а просто какое-то ощущение, что этот момент уже был. Что она уже сидела на этой скамейке, босиком, в пижаме, и вытирала ноги влажными салфетками, которые пахнут ромашкой. - Ты помнишь? - спросила Лена, внимательно глядя на неё.

- Нет, - сказала Варя, - Но кажется, что должна.

- Это прогресс, - сказала Лена. - В прошлый раз ты сказала: «Откуда у тебя салфетки? Я тебя не знаю», а сейчас хотя бы «кажется».

Варя вытерла ноги, сложила грязные салфетки в пакетик, который Лена достала следом. Девочка была подготовлена. - Сколько тебе лет? - спросила Варя.

- Семь.

- А на вид все тридцать.

Лена усмехнулась. Впервые за весь разговор. - Это ты меня такой сделала. Не специально, конечно, но сделала.

Она помолчала, потом сказала: - Пойдём. У нас мало времени.

- Куда?

- В подвал. Там твой кабинет. Ты всё поймёшь, когда про-

читаешь тетрадь.

Лена встала, закинула рюкзак на плечо и пошла, не оглядываясь. Варя пошла за ней.

Глава 3

Они шли через дворы. Лена вела уверенно, без карты, без телефона, сворачивала в арки, проходила сквозь подъезды, пересекала маленькие улочки, названий которых не знала. - Ты часто так ходишь? - спросила Варя.

- Почти каждый день.

- Одна?

- Иногда одна. Иногда с тобой, но ты не помнишь. Они вышли к длинной девятиэтажке с облупившейся краской и ржавой трубой мусоропровода. Лена открыла дверь подъезда, где домофон не работал, и повела Варю вниз, в подвал. Там было темно. Лена достала из рюкзака маленький фонарик, щёлкнула. - Иди за мной, - сказала она, - Тут ступеньки, не споткнись.

Они спустились на два пролёта, прошли по коридору, где пахло сыростью и кошками, и остановились перед железной дверью. Лена встала на цыпочки, набрала на кодовом замке шесть цифр. Замок щёлкнул. - Заходи, - сказала Лена, - Это твой кабинет. Тот, который ты забыла.

Варя шагнула внутрь, а Лена включила свет. В подвале пахло пылью, старыми газетами и чем-то сладковатым, похожим на сушёные яблоки. Варя моргнула несколько раз, привыкая к свету. Единственная лампа без абажура свисала с потолка на скрученном проводе и раскачивалась от сквозня-

ка, отбрасывая тени, которые прыгали по стенам, как живые. На стенах висели карты. Весь город был расчерчен красными линиями, тянущимися от окраин к центру, пересекались на площади перед администрацией, расходились лучами к трём спальным районам и заканчивались маленькими фотографиями, приколотыми канцелярскими кнопками.

Варя подошла ближе. Фотографии были женскими: три лица. Первое - Катя, та самая женщина, которая утром стояла на кухне с кружкой кофе. На фото Катя улыбалась, держала в руке мороженое и выглядела лет на десять моложе. Под фотографией надпись, сделанная красным фломастером: «Кто заказал ей стереть мою память?» Варя перевела взгляд на второе фото. Женщина с родинкой над верхней губой, та самая, что стояла под окном в бежевом пальто. Вблизи лицо казалось жёстче. Под фотографией было написано: «Стрекоза. Настоящее имя неизвестно. Бывший военный психолог. Специалист по стиранию памяти».

Третье фото было разорвано пополам и склеено скотчем. Но даже сквозь склеенные края Варя узнала лицо. Светлые волосы до плеч, большие глаза, спокойная полуулыбка. Под третьей фотографией было написано: «Мать. Главная. Если ты читаешь это, значит, ты уже знаешь, что она тебе сделала». - Садись, - сказала Лена, кивнув на единственный стул у стола, - Тебе нужно это прочитать.

Варя села. Дерево скрипнуло под её весом. На столе лежала тетрадь. Обычная школьная тетрадь в косую линейку,

мятая, с пятнами от кофе на обложке. Варя открыла первую страницу и узнала почерк, тот же самый, что на утреннем конверте. Буква «т» печатная, «я» с петлёй. Её почерк. «Меня зовут Варвара Сергеевна Новикова, - прочитала Варя, - Мне тридцать два года. Я бывший следователь по особо важным делам. Я пишу это для себя, потому что завтра, скорее всего, не буду помнить, кто я такая».

Она перевернула страницу. «Всё началось с дела о пропавших девушках. Их объединяло одно: за неделю до исчезновения каждая начинала забывать простые вещи. Имена своих парней, адреса, как зовут маму. Врачи говорили о стрессе. Я нашла правду, их мозг стирали излучением со спутника, который висит над городом пятнадцать лет. Спутник называется "Колосс"».

Варя подняла голову, посмотрела на Лену. Та стояла у стены, скрестив руки на груди, и ждала. - Это правда? - спросила Варя.

- Читай дальше, - ответила Лена. Варя снова опустила глаза в тетрадь. «Я вышла на женщину, которая управляет проектом с земли. Моя мать. Она инсценировала свою смерть, когда мне было двенадцать. Она хотела защитить меня, но в итоге стала тем, от кого нужно защищать. У неё есть помощники и Катя была одним из них. Она стёрла мне память, когда я подошла слишком близко к правде, но я была умнее. Я заплатила другому специалисту, чтобы он встроил в мою голову защиту. Блок, который не позволяет стирать глубокие

слои. Катя думала, что стёрла всё. На самом деле она стёрла только верхушку». Варя перелистнула несколько страниц. Записи становились всё более хаотичными. Даты скакали, предложения обрывались на полуслове, некоторые слова были зачёркнуты и переписаны заново. «Лена знает код от двери. Я обучила её, когда ей было четыре. Она моё секретное оружие. Потому что никто не заподозрит ребёнка». - Сколько тебе сейчас? - спросила Варя, не поднимая головы.

- Семь, - ответила Лена, - Но первый раз ты привела меня сюда, когда мне было четыре с половиной. Я запомнила всё. Ты говорила со мной как со взрослой. Ты не сюсюкала, а говорила: "Лена, если мама проснётся и не узнает тебя, не плачь. Просто дай ей письмо и скажи, где её кабинет"». Варя почувствовала, как у неё защипало глаза. - Я так и делала, - продолжала Лена, - Каждое утро. Последние три года. Ты просыпаешься, не помнишь меня, я даю тебе письмо, ты идёшь в парк, я жду. Потом мы идём сюда, ты читаешь тетрадь, начинаешь вспоминать, клянёшься больше никогда не пить кофе. А на следующее утро всё повторяется. - Каждое утро? - переспросила Варя.

- Каждое. Кроме тех дней, когда ты не можешь прийти, потому что Катя напоила тебя кофе раньше, чем ты успела прочитать письмо. Тогда ты не просыпаешься в своей квартире. Ты просыпаешься у неё, и она говорит тебе одно и то же, и ты ей веришь, потому что не помнишь ничего. Варя перевернула страницу. Последняя запись в тетради была сде-

лана не ручкой, а простым карандашом, и карандаш почти стёрся. «Сегодня мать приедет за мной. Я не буду сопротивляться. Лена, если ты читаешь это, прости меня. Я не смогла защитить тебя от правды. Но знай: бабушка тебя не тронет. Она любит тебя. Только по-своему. Как умеют любить только монстры». Дата. Три года назад.

Варя закрыла тетрадь, руки тряслись. - Твоя бабушка - это моя мать, - сказала она. - Которая умерла, когда мне было двенадцать.

- Которая инсценировала свою смерть, - поправила Лена.

- И она жива.

- Да. И она уже знает, что ты здесь.

Варя подняла голову. - Как она может знать?

- Я не знаю, - сказала Лена, - Но она всегда знает. Она чувствует нас или слышит или у неё есть кто-то, кто докладывает. Катя, например или Стрекоза.

- А Стрекоза это женщина с родинкой?

- Да. Она была подругой твоей матери. Потом стала её врагом. Потом снова подругой. Потом снова врагом. Я не уверена, кем она является сейчас.

Варя встала со стула и снова подошла к карте. - Зачем все эти линии? Что они значат?

- Ты собирала истории людей, которым стёрли память, - сказала Лена, - Ты хотела понять, как работает спутник, кто ещё пострадал, кому можно верить, а кому нет. Эти линии маршруты людей, которых стирали. Ты выяснила, что все

они в тот или иной момент проходили мимо одного здания - администрации. Там, наверху, стоит передатчик. - Передатчик?

- Спутник не сам стирает память. Он только даёт сигнал. А передатчик на земле направляет этот сигнал на конкретных людей. Кто-то сидит в администрации и выбирает цели.

- Кто?

- Этого ты не выяснила. Ты только начала копать, и тогда твоя мать приказала Кате стереть тебе память.

Варя посмотрела на карту. Красные линии сходились к зданию администрации, как нити к центру паутины.

- Почему ты всё это помнишь? - спросила она у Лены, - Тебе ведь было четыре года. Дети в четыре года не помнят такие детали.

- Дети помнят, - сказала Лена, - Если им приходится выживать. А мне приходилось. Ты говорила мне: "Лена, если мама не вернётся, ты должна будешь рассказать всё полиции, журналистам или кому угодно, кто захочет слушать". Ты учила меня запоминать имена, даты, адреса.

- В четыре года?

- Я рано начала читать. Ты говорила, что я в папу. Он тоже был умным, пока не пропал.

Варя замерла. - Папа? У меня есть муж?

- Был. Мой папа. Он пропал, когда мне было два года. Ты искала его год, а потом сказала, что его память стёрли, и теперь он живёт в другом городе с другой семьёй и не помнит

ни тебя, ни меня.

Варя села обратно на стул. Голова кружилась. - Его тоже стёрли?

- Да. Ты говорила, что он был свидетелем по одному из твоих дел. Он видел, как люди в чёрном увозили девушку, которая потом пропала. Ты думала, что его стёрли, чтобы он не дал показания.

Варя закрыла глаза. Внутри, в пустоте, снова что-то шевельнулось. Не лицо, не имя, а просто ощущение. Тяжести и горя, которое некуда деть. - Как его зовут? - спросила она. - Алексей, - сказала Лена, - Но ты звала его Лёшей. Варя повторила про себя. Алексей. Лёша. Ничего.

- Ты его помнишь? - спросила она.

- Нет, - ответила Лена, - Я была слишком маленькая. Но у меня есть его фото, ты дала мне его на случай, если я встречу его на улице. Сказала: «Покажи ему это фото. Может быть, он вспомнит». Я храню его в рюкзаке. Но он так и не встретился.

Она замолчала. Варя тоже молчала. Тишину в подвале нарушил звук сверху. Шаги. Несколько пар. Мужские. И один женский голос. Катя.

- Она здесь, - сказал кто-то, - Я точно видела, как они зашли в этот подъезд.

- Кто они? - спросил другой голос.

- Варя и девчонка.

Лена быстро подошла к стене, сняла карту. За ней оказа-

лась ниша. Маленькая, не больше кладовки.

- Туда, - сказала Лена, - Быстро.

- Мы обе поместимся?

- Если ты перестанешь дышать.

Варя залезла в нишу, Лена следом. Девочка натянула карту обратно. В щели осталась маленькая щёлочка, через которую пробивался свет из комнаты. Они сидели в темноте, прижавшись друг к другу. Варя чувствовала, как бьётся сердце Лены. Часто, но ровно. Девочка не боялась. Или боялась, но умела это скрывать. - Ты научила меня молчать, - прошептала Лена ей в ухо, - Ещё тогда, в машине. Сказала: если спрячемся, не издавай ни звука, даже дыши через раз.

- Я это сказала?

- Да. Ты много чего сказала, просто не помнишь.

Входная дверь открылась. Скрипнули петли и кто-то вошёл в комнату... Варя узнала шаги. Катя. Она ходила по кабинету, трогала вещи. Слышно было, как она открыла ящик стола, потом закрыла. Потом подошла к стене, там, где висела карта.

- Они здесь были, - сказала Катя кому-то, кто остался за дверью, - Недавно. Тетрадь на месте, но она тёплая, её только что держали в руках.

- Ищи, - ответил мужской голос.

- Бесполезно, Варя умнее. Она спряталась там, где мы не найдём.

- А ребёнок?

- Ребёнок с ней. Они всегда вместе.

Катя вздохнула и замолчала. Наступила тишина. Варя замерла и Лена с ней. Они не дышали. Не двигались, а ждали.

- Уходим, - сказала Катя, - Здесь их нет.

- Но ты сказала...

- Ошиблась.

Шаги удалились. Хлопнула дверь. Тишина. Варя выждала ещё пять минут. Потом осторожно отодвинула карту, выглянула. В комнате никого не было, только лампа раскачивалась, и тени на стенах плясали, как живые. Она вылезла из ниши, помогла выбраться Лене. - Нам нужно уходить, - сказала Лена, - Теперь они знают про этот подвал. Они вернутся.

- Куда мы пойдём?

- К Стрекозе, - сказала Лена, - Она единственная, кто может нам помочь.

- Она же работала на мою мать.

- Работала, но три года назад перестала. Когда бабушка приказала стереть меня.

Варя посмотрела на дочь. - Почему она отказалась?

- Потому что я нарисовала ей картинку, - сказала Лена, - Кошку. А стрекоза любила кошек. Я нарисовала ей кошку и сказала: «Это ты. Ты просто притворяешься злой, потому что боишься». Она резко заплакала и с тех пор не стирала никому память. Тайком помогала людям, а твоей матери говорила, что выполняет приказы.

Лена взяла рюкзак, сунула в него тетрадь и сняла со стены фотографию Кати. - Зачем? - спросила Варя.

- Пригодится, - ответила Лена, - У тебя всё пригодится.

Они вышли из подвала и зашагали по темнеющим улицам. Лена вела, Варя шла за ней, босиком, в пижаме, с порезанной ногой, которая к этому часу распухла и начала болеть. - Далеко? - спросила Варя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.